

Госпожа Бернетт, напуганная фокусом с призрачным реагентом и чрезвычайно выгодными условиями сделки, предложенными шерифом, во всём призналась.

- Баджер был адвокатом моего покойного мужа и распорядился его завещанием. После смерти супруга он не стал сразу оглашать последнюю волю, а вместо этого стал мне угрожать. Он заставлял меня спать с ним, иначе, по его словам, наследство отошло бы брату мужа, а нас с сыном вышвырнули бы на улицу.

Я спала с ним трижды... но этого ему было мало, он не унимался. Он хотел, чтобы моя Трейси тоже спала с ним. Боже, Трейси всего семь лет! Семь!

Госпожа Бернетт негодуяще вскрикнула. Она посмотрела в лицо шерифу, и тот был вынужден отвести взгляд. Хотя шериф и считал, что в этом нет его вины, в конце концов, именно он обрёк эту женщину на страдания.

- А потом я получила письмо. В нём говорилось, что автору известно о моём затруднительном положении и всего за двести золотых гербов он готов мне помочь. Он велел мне в тот день пригласить Баджера в этот самый кабинет. Я сделала, как было велено, и когда тот человек закончил своё дело, отдала ему банковский чек. Для правдоподобия он поцарапал мне спину. Вот и всё.

В тот момент госпожа Бернетт была в полном отчаянии, иначе не стала бы действовать, доверившись анонимному письму.

- Как он выглядел? - взволнованно спросил шериф. Кто бы мог подумать, что такая важная зацепка окажется прямо у него под носом.

Госпожа Бернетт покачала головой:

- На нём была белая улыбающаяся маска, я не видела его лица. К тому же он всё время молчал, так что я не знаю, какой у него голос.

- А рост?

- Примерно сто семьдесят сантиметров.

Шериф снова пал духом. Рост не совпадал с описанием загадочного мужчины, который ушёл с первой жертвой.

- Одежда?

Госпожа Бернетт явно не хотела выдавать убийцу, ведь для неё он был ангелом, спустившимся с небес и спасшим её в самый трудный час.

- Длинный плащ, шляпа охотника на оленей, и всё.

- Слишком мало улик, - мрачно произнёс шериф. - Этого недостаточно, чтобы вы смогли уехать с имуществом и ребёнком.

Орвицка взглянул на шерифа. Так вот почему тот не согласился сразу! Оказывается, время для торга настало только сейчас.

Госпожа Бернетт в упор посмотрела на шерифа. На этот раз он не отвёл взгляд. Прикусив губу, она наконец достала из сумочки письмо:

- Вот письмо, которое он мне прислал. Я его сохранила. На бумаге хоть и нет водяных знаков, но есть странный отпечаток. И ещё, когда я только получила письмо, от него исходил слабый запах дешёвого вина и пота. Но в тот день, когда я увидела того человека в кабинете, от него не было неприятного запаха, наоборот, я почувствовала очень лёгкий цитрусовый аромат.

Дело адвоката произошло в сентябре, когда в Нортонской империи цитрусовых ещё не было. Так что этот запах исходил не от съеденного убийцей апельсина, а определённо от цитрусового парфюма, которым пользовался либо он сам, либо кто-то из его окружения.

Однако цитрусовый парфюм, прозванный в народе "народным", был очень дешёвым, универсальным ароматом для мужчин и женщин. Так что эта улика была почти бесполезна.

Теперь оставалось искать зацепки только в самом письме. Содержание его было таким, как и говорила госпожа Бернетт.

Глядя на почти детский почерк, шериф сказал:

- Похоже, убийца не слишком образован.

- Нет, грамматика очень точная, орфографических ошибок нет. Какое-то образование он получил. А почерк, скорее всего, такой, потому что он писал неведущей рукой.

- ...Ах! Вы правы.

Реакция шерифа не была лестью, он действительно восхитился "внезапной догадкой" Орвицки. Тот покачал головой. Когда он во втором классе впервые увидел по телевизору, как злодей пишет анонимное письмо левой рукой, то тоже был поражён и восхитился умом злодея. Позже он узнал, что это избитый трюк.

- Когда подозреваемых нет, не имеет значения, какой рукой писал человек, ведь сравнивать почерк не с чем.

Странный отпечаток, о котором говорила госпожа Бернетт, смутно напоминал круглый след с узором посередине.

- Для печати слишком крупно. Что это?

Печать была лишь немного больше золотого герба, но этот отпечаток...

- Кружка? - Орвицка жестом подозвал других полицейских. - Я не знаком с Хаарлемом, давайте посмотрим все вместе.

- Похоже на кружку.

- Пивная кружка?

- Точно! Как в тавернах!

Полицейские и впрямь опознали этот предмет. В здешних дешёвых тавернах и ресторанах на дне кружек вырезали логотип или название заведения, чтобы их было проще опознать и вернуть.

После долгих разбирательств удалось лишь смутно различить, что в центре отпечатка была какая-то круглая клякса, но что именно - опознать не удалось.

- Найдите кого-нибудь, кто любит выпить и знает много таверн, пусть опознает. Тому, кто опознает, - двадцать айко, - распорядился шериф.

- Я... я могу идти? - спросила госпожа Бернетт.

- Нет, - сказал шериф. - Вы можете нам ещё понадобится. Раз уж убийца смог подбросить письмо в ваш почтовый ящик, то, весьма вероятно, он всё ещё за вами наблюдает. Мы приставим к вам отряд полиции для охраны, так что не беспокойтесь.

Мышцы на лице госпожи Бернетт пару раз дёрнулись, но в итоге она улыбнулась шерифу:

- Большое вам спасибо.

- Не стоит благодарности, госпожа.

Ещё одна проблема решена, можно возвращаться в участок к тому журналисту. По дороге Орвицка смотрел в окно. Ещё вчера днём, когда он приехал, не все дома были с заколоченными окнами, но сегодня на этой улице каждое окно было наглухо забито досками, а страх на лицах людей стал ещё отчётливее.

Все знали, что оборотень нападает примерно раз в неделю. Теперь, когда неделя подходила к концу, время его следующего нападения неумолимо приближалось, и люди боялись стать очередной жертвой.

Внезапно до его ушей донеслась музыка. Экипаж проезжал мимо небольшой площади, где выступали уличные артисты: клоуны, факиры, флейтисты и танцоры.

- Здесь ещё остался цирк? - машинально спросил Орвицка.

- Мэр заплатил нескольким акробатам, - ответил шериф. - Глядя на них, люди могут хоть немного развеяться.

Орвицка кивнул. Действительно, только рядом с этими людьми он видел улыбки на лицах простых горожан.

В пятом часу они вернулись в участок.

- Вы голодны, офицер Мондэйл? - выходя из экипажа, шериф слегка пошатнулся. Глядя на вышедшего следом Мондэйла, он, помимо восхищения, чувствовал зависть к его молодости и здоровью.

- Я и вправду немного проголодался, может...

- Шериф Бассорони! Наконец-то вы пришли! - из участка внезапно выбежал мужчина. Он взволнованно размахивал руками и громко кричал: - Я жду здесь уже целый день, а ваши подчинённые не отпускают меня! Знаете, скоро начнётся салонный бал госпожи Фернепф, а я даже не успел переодеться!

Он кричал ещё в нескольких шагах от них, но порыв ветра уже донёс сильный, приторный аромат его парфюма - тяжёлый запах туберозы и ириса, вязкий, как и его залакированная причёска.

Это, должно быть, и был тот самый журналист, который сфотографировал оборотня. Шериф посмотрел на Орвицку, давая понять, что полностью доверяет ему это дело. Орвицка широким

шагом подошёл к журналисту, схватил его за плечо и одним движением заломил ему руку за спину, щёлкнув наручниками.

- Мистер Джереми Браун, вы арестованы за дачу ложных показаний.

- Что?! Ты... ты... я... ай!

Держа его за руку, Орвицка пошёл вперёд. Журналист от боли вскрикнул пару раз и был вынужден поспешить за ним. Орвицка уже ориентировался в участке, он нашёл комнату для допросов и втолкнул туда журналиста.

- Шериф Бассорони, не могли бы вы принести мне сэндвичей...

- Конечно.

Шериф отдал распоряжение другому офицеру. Он всё же хотел присутствовать на допросе вместе с Орвицкой, но тот, сказав это, постоял некоторое время у двери, не заходя внутрь.

- Что-то ещё, офицер Мондэйл?

- ...Нет, ничего.

У Орвицки были дела, он как раз раздумывал, стоит ли предлагать шерифу пригласить журналистов и объявить, что история с оборотнем – фальшивка. Плюсом такого шага было бы успокоение людей, но это могло спровоцировать убийцу, заставив его нанести удар раньше или совершить ещё более ужасное преступление. Судя по имеющимся уликам, этому убийце, похоже, очень нравилось, когда его называли оборотнем.

А если бы он нанёс удар раньше, это было бы выгодно и полиции, ведь чем больше спешки в любом деле, тем выше вероятность ошибок. Если он действительно начнёт действовать поспешно или в больших масштабах, то с большей вероятностью оставит улики.

Именно поэтому Орвицка решил промолчать, ведь шериф, скорее всего, выбрал бы вариант со стимуляцией убийцы.

Орвицка вернулся в комнату для допросов. Журналист с гневным лицом смотрел на него.

- Я знаю тебя, тот самый королевский полицейский из Содмана. Это тебе не Содман, это...

Хлоп!

- Ты...

Хлоп!

Орвицка оборвал его речь пощёчиной. Как только журналист собрался сказать что-то ещё, он получил вторую. Орвицка точно рассчитал силу, чтобы не нанести ему травм, ведь тот ещё должен был говорить.

- Скажите мне, фотография – подделка?

- Конечно, нет! Я сделал этот снимок, рискуя жизнью!

- Значит, вы признаётесь в сговоре с оборотнем?

- Когда это я признавался?!

- Я знаком со многими журналистами и знаю, как делаются фотографии. И уж тем более знаю, что при съёмке движущегося объекта получается лишь размытый силуэт. А вы в темноте сделали абсолютно чёткий снимок оборотня, убежавшего на высокой скорости?

- Он как раз в тот момент на мгновение замер!

- Не просто замер, он ещё и повернулся к вам лицом. Зачем?

- Это вам у него надо спросить, мне просто повезло сделать удачный кадр.

- Вы думаете, в то, что вы говорите, кто-то поверит?

- Многие поверили.

- Шериф, сколько этот журналист заработал на этой фотографии? - спросил Орвицка у шерифа.

- Я не знаю, но, должно быть, немало.

- Хм. Что ж, теперь у нас есть все основания подозревать его в сговоре с убийцей с целью обретения славы и денег путём создания образа ужасного маньяка. В конце концов, убийца всегда умудрялся уйти от преследования, а вот журналист... как раз мог беспрепятственно передвигаться по всем районам Хаарлема, верно?

Сначала шериф подумал, что Орвицка просто пугает журналиста, но, услышав его слова, тут же посерьёзnel. Журналисты действительно были одними из немногих, кто мог передвигаться без ограничений. А этот мистер Браун, благодаря первой чёткой фотографии оборотня-убийцы, стал известен всему Хаарлему. Его лицо было лучшим пропуском.

- По... подождите.

- Фотография подлинная, - не стал ждать Орвицка. - Значит, убийца специально остановился, чтобы он его сфотографировал. Значит, он в сговоре с убийцей.

Шериф медленно приблизился и в конце концов схватил журналиста за плечо.

Тот тут же вскрикнул от страха:

- Я лжец! Эта фотография - подделка!

Шериф отпустил его.

- Как вы докажете, что это подделка?

- Я... мой ассистент может подтвердить. К тому же эта фотография была сделана даже не на месте преступления. Мы снимали в другом месте, а потом немного поработали с негативом, сделав фон абсолютно тёмным, чтобы нельзя было определить точное место. У меня дома есть маска оборотня и неудачные снимки.

- Кто велел вам это сделать? - спросил Орвицка. Это и было его главной целью, иначе этого мошенника можно было бы просто арестовать и бросить в тюрьму, доказательства его обмана были очевидны.

- Никто, я сам придумал.

- Вы уверены, что эта мысль пришла вам внезапно и никто вас на неё не натолкнул?

- Я...

Орвицка увидел, как у парня забегали глаза, и, зная его натуру, сразу понял, что после первоначального испуга тот начал подумывать, как бы свалить вину на другого.

- Не вздумайте оговаривать невинных. Если мы арестуем человека, а убийства продолжатся, то его смерть будет на вашей совести.

Орвицка хлопнул ладонью по столу. Громкий звук заставил журналиста вздрогнуть. Ещё страшнее было то, что, когда Орвицка убрал руку, на столе осталась трещина.

Журналист раньше не присматривался к столу, да и кто бы стал обращать на это внимание. Но даже если на столе и была трещина, она не могла быть такой большой, ведь она была прямо у него перед глазами. Так что этот полицейский с детским лицом оказал на журналиста огромное психологическое давление - а что, если бы эта пощёчина пришлась по нему? Не сломала бы она ему кости?

- Не отвлекайтесь, говорите, - Орвицка пнул ножку стула журналиста. - Говорите правду. Если предоставите полезную информацию, можете рассчитывать на смягчение приговора. Если солжётё - сдеру с вас кожу.

- Я сам... э-э, подождите, кажется, мне кто-то подсказал.

- Кто?

- Я забыл.

Орвицка впери́л в него взгляд, и журналист от страха задрожал так, что у него застучали зубы.

- Н-на самом деле это не была подсказка, просто... я однажды после съёмки услышал, как кто-то смеялся. Один человек сказал: "Да это же вылитый оборотень. Я теперь и маску волка надеть побоюсь". Другой пару раз хихикнул. Вот так, они и навели меня на мысль.

Так этот парень оказался просто обычным мошенником. Орвицка вздохнул, шериф тоже был несколько разочарован.

- Но я знаю кое-что ещё. Я знаю, что госпожа Мейрен изменяет мужу...

Орвицка схватил его и поднял. Пикантные подробности из жизни высшего общества Хаарлема его не интересовали.

Подошли другие полицейские и увели мужчину.

Пока новых улик не было, Орвицка принял приглашение шерифа и отправился в ресторанчик неподалёку от участка, где съел фирменное местное блюдо - жареного кролика.

Когда они вернулись и немного подождали, начали поступать сообщения от полицейских, которые были на выезде.

Все жертвы-мужчины либо предпочитали мужчин, либо изменяли в браке, а некоторые

совмещали и то, и другое. А жертвы-женщины, без сомнения, были любовницами кого-то из этих мужчин.

Раньше этого не замечали, потому что полиция считала, что это серия случайных убийств. Они искали закономерности в местах преступлений, совершенно не думая о том, что у жертв тоже могут быть общие черты. Они не углублялись в эти вопросы, и семьи жертв думали так же.

К тому же, во всех культурах в той или иной степени существует табу на обсуждение покойных, считается, что "человек умер, и всё прошло". Даже если у родственников и были обиды, если их не спрашивали, они не стали бы говорить первыми, чтобы сохранить лицо умершего.

- Убийца ненавидит гомосексуалов и изменников? Это... значит, нужно опубликовать в газете объявление, чтобы все геи и мужчины, имевшие опыт измен, старались передвигаться группами? - вполне серьёзно спросил шериф.

- Нет, это слишком широкий охват, - в Нортонской империи, с её нравами, мужчины, не изменявшие в браке, были редкостью, иначе Орвицку не считали бы чудачком. - На самом деле, сейчас проблема в том, как убийца узнавал об изменах этих людей? Некоторые случаи были очень скрытными, о них знали только члены семьи. Мы отправимся к партнёру портного Уинтерсена.

- Портного Уинтерсена... о! - это имя заставило шерифа на мгновение задуматься, прежде чем он вспомнил, что речь идёт о жертве массового убийства, когда погибли сразу четыре человека. Неужели у всей этой семьи были проблемы?

- И ещё проверьте малыша Бена.

Малыш Бен был последней жертвой, но Орвицка помнил, что у него с невестой были прекрасные отношения, и никто из окружающих не считал, что он ей изменяет. Как убийца узнал то, чего не знали даже близкие?

Глаза всех полицейских загорелись. Они наконец-то всё ближе подбирались к убийце!

Шериф тут же отправил своего сына расследовать дело малыша Бена, а сам решил поехать с Орвицкой к Уинтерсенам. Часть полицейских, только что вернувшихся с расследования, снова отправили назад - расспрашивать семьи, как просочилась информация.

В участке никто не знал, где находится партнёр портного Уинтерсена. Пришлось отправить полицейского в административное здание, чтобы проверить регистрационные данные, и только тогда его нашли. Так что, когда они выехали, было уже почти семь часов вечера, и на улице совсем стемнело.

Зажглись уличные фонари, на полицейской карете спереди и сзади тоже висели лампы, но снаружи всё равно было жутко темно, потому что ни в одном доме не горел свет. Хотя это был город с населением в несколько сотен тысяч человек, они ехали, словно по безлюдной, тихой степи.

Орвицка открыл окно и, оперевшись локтем на раму, смотрел на улицу. Почему убийца поставил себе такую цель? Его собственный отец изменил с геем, или его партнёрша ему изменила? Непохоже... если бы это было так, его целью были бы в основном геи, но большинство его жертв - гетеросексуальные мужчины. К тому же жестокость его убийств смутно намекала на то, что настоящий объект ненависти и мести убийцы - мужчина, а его любовница - женщина.

Тогда при чём тут гей?

Результаты получались довольно путанными, точнее, единого вывода не было вовсе. Орвицка подумал, что, скорее всего, он сам ошибся в своих предположениях, ведь он был всего лишь "заочником" по психологии, наслушавшимся лекций из телевизора, фильмов и романов.

Внезапно Орвицка замер.

- Мондэ...

Шерифу показалось, что в дороге слишком тихо, и он хотел поговорить с Орвицкой. Он поднял руку, чтобы похлопать его по плечу, но когда опустил её... человека не было?

Бах!

Дверь полицейской кареты распахнулась. Орвицка выскочил из неё и бросился на улицу.

В глазах представителя Рода Крови ночной мир был лишь немного тусклее дневного, поэтому Орвицка только что отчётливо увидел фигуру, стоящую в тёмном углу. На нём была белая маска, он был одет в длинный плащ - в точности как описала его госпожа Бернетт!

- Что случилось? - спросил всё ещё недоумевающий шериф, чья рука промахнулась.

- Что такое, шериф? - кучер-полицейский и полицейские из задней кареты тоже обеспокоенно засуетились.

- Быстрее, останавливайтесь! Останавливайтесь! Офицер Мондэйл увидел подозрительного! - только Розенберг, сменивший фотографа Танни, был в курсе событий.

Орвицка преследовал человека в маске по тёмным переулкам. Хотя он хорошо видел, извилистые улочки ограничивали его скорость и закрывали обзор, а преследуемый, очевидно, знал местность лучше него...

Полицейские только что вышли из кареты и нашли переулок, в который убежал Орвицка. Как только они собрались распределить людей для поддержки, Орвицка вернулся, держа в руках длинный плащ.

- Прошу прощения, я его упустил, - вздохнул Орвицка, передавая плащ.

- Если бы не вы, мы бы и не узнали, что убийца подкрался так близко и наблюдал, - шериф взял плащ. - Запах дешёвого табака и алкоголя.

- Снаружи действительно так, но вы понюхайте изнутри.

- Цитрус, - вздохнул шериф. Некоторое разочарование всё же было, ведь они были так близко к этому парню.

- Кроме того...

- Что?

- Если он всегда совершал убийства в этом плаще, то на нём должны были остаться следы крови, но их нет. Плащ очень чисто выстиран. Значит, либо у него их несколько на смену, либо он очень хорошо умеет стирать.

- Если у него их несколько... мы можем проследить происхождение одежды. А если он хорошо умеет стирать... где мы можем это проверить? - один из полицейских явно не имел понятия о том, как стирают одежду.

- Дать объявление в газету с вознаграждением: кто видел, как кто-то поздно ночью стирал длинный плащ, или помогал стирать такой плащ. Будет много ложных сообщений, но, возможно, среди них окажется и правдивое?

- Вы правы.

Вернувшись в карету, Орвицка даже начал подозревать, что убийца - это целая банда. Он знал переулки более чем в семидесяти процентах районов Хаарлема, только так он мог раз за разом уходить от облав местной полиции и жителей.

Но сейчас нужно было сначала разобраться с текущим делом.

Что касается семьи Уинтерсен, Орвицка думал, что придётся долго уговаривать, но кто бы мог подумать, что после того, как они изложили цель своего визита, два старых портных, переглянувшись, рассказали о ситуации в семье Уинтерсен. Молодой Уинтерсен действительно состоял в тайной связи с одним из их клиентов-мужчин.

- ...В этом нет ничего необычного. Мы, портные, по долгу службы прикасаемся к телам клиентов. Мы знаем их лучше, чем они сами себя. Когда портной красив и молод, нет ничего удивительного в том, что у него что-то случается с клиентом.

<http://bllate.org/book/17916/1715949>